

Николай Николаевич Страхов

**Заметки о Пушкине и других
поэтах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Н63

Н63 **Николай Николаевич Страхов**
Заметки о Пушкине и других поэтах / Николай Николаевич Страхов – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 304 с.

ISBN 978-5-458-37906-9

ISBN 978-5-458-37906-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ издателя.

Первое изданіе книги „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“ Н. Н. Страховымъ сдѣлано было въ 1888 г. Переиздавая эту книгу, я дополнилъ ее тремя статьями, которыя не вошли ни въ одну изъ книгъ покойнаго писателя, и которыя, по своему предмету, должны быть включены въ рядъ статей, составляющихъ содержаніе „Замѣтокъ о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“. Статьи эти слѣдующія:

1) Юбилей поэзіи Фета (Новое Время, 29 января 1889 г.).

2) Нѣсколько словъ памяти Фета (Новое Время, 9 декабря 1892 г.).

3) Сочиненія Графа А. Голенищева-Кутузова. Т. 1 и 2. С.-Пет. 1894 г. (Изъ отчета о десятомъ присужденіи пушкинскихъ премій въ 1894 г.).

И. Матченко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ именемъ Пушкина неразлучно связано какое-то очарованіе. Есть такія чарующія имена въ исторіи человѣчества, имена, о которыхъ можно повторить выраженіе „Пѣсни Пѣсней“:

Скажутъ имя твое—пролитой ароматъ!

Таково было у древнихъ грековъ имя Платона, у римлянъ—Виргилія; таковы у итальянцевъ имена Рафаэля, Петрарки, у нѣмцевъ Моцарта, Шиллера... Эти имена составляютъ синонимы свѣта и красоты, высшей прелести, до какой могутъ достигать человѣческія чувства и мысли и ихъ проявленіе.

Судить о такихъ явленіяхъ въ исторіи человѣчества, объ этихъ перлахъ на поприщѣ духовной жизни людей, есть дѣло представляющее свои особыя трудности. Во первыхъ, нужно быть способнымъ къ очарованію; непремѣнно нужно испытать на самомъ себѣ обаяніе того чародѣя, о которомъ хотимъ разсуждать. Восторгъ понимается только восторгомъ, и кто его никогда не чувствовалъ въ ясной степени, тотъ пусть лучше о немъ не говоритъ.

Во вторыхъ, нужно совладать съ своимъ очарованіемъ, нужно настолько выбиться изъ подъ его власти, чтобы имѣть возможность обратить его въ наслажденіе сознательное и отчетливое. Когда что-нибудь приводитъ насъ въ восторженное настроеніе, то въ насъ обыкновенно пробуждается память и способность многихъ другихъ очарованій, ничуть не связанныхъ съ тѣмъ, что дѣйствуетъ на насъ въ ту минуту. Мы поднимаемся, какъ говорится, въ идеальный міръ и начинаемъ блуждать по этому міру; мы приходимъ въ возвышенное настроеніе и смутно наполняемся всякаго рода мыслями и чувствами, свойственными этому настроенію. Иногда одно слово, одинъ звукъ, одно движеніе заставляютъ насъ плакать и задыхаться отъ нахлынувшего потока ощущеній, гдѣ-то глубоко въ насъ спавшихъ.

Эту восторженность, расходящуюся во всѣ стороны, намъ слѣдуетъ обратить въ определенное и отчетливое вниманіе къ тому, что у насъ передъ глазами; нужно умѣть идти за писателемъ и художникомъ всюду, куда онъ насъ ведетъ, и видѣть все то, что онъ намъ показываетъ. Тогда только мы будемъ различать поэзію отъ умозрѣнія, музыку отъ поэзіи, и т. д., и въ каждомъ явленіи находить его своеобразную красоту, въ каждой частности извѣстную жизнь и силу.

Но и этого еще мало. Когда мы проникнемся тѣмъ особымъ очарованіемъ, которое свойственно тому или другому творцу или творенію, намъ нужно и это очарованіе довести до сознательности и определенности. Отъ рѣчей великихъ писателей, отъ формъ и звуковъ великихъ художниковъ выходитъ какой-то свѣтъ, проникающій всѣ

ихъ созданія, ослѣпляющій насъ, такъ что мы сперва не въ силахъ отчетливо видѣть каждую черту, и все намъ кажется однимъ потокомъ красоты. Каждое слово Пушкина есть слово очарованное, уже потому, что оно—Пушкина. Мы встрѣчаемъ это слово съ полнымъ и чуткимъ вниманіемъ; даже самый ничтожный слѣдъ несравненнаго таланта, лежащій на какой-нибудь рѣчи, не ускользаетъ отъ насъ,—и этого довольно, чтобы самая простая и незначительная рѣчь окружилась для насъ какимъ-то сіяніемъ.

Если мы не выйдемъ изъ-подъ власти этого обаянія, мы никогда не получимъ способности вполне и правильно судить о нашемъ поэтѣ. Для полнаго пониманія, намъ нужно свободно подниматься на всякія точки зрѣнія; философія, поэзія, художество—не рѣзвѣченіе или прихоть,—они въ концѣ концовъ требуютъ для себя самаго высокаго и строгаго суда, и этому суду не должно мѣшать никакое пристрастіе. Воплощенныя мысли должны быть судимы по высшему мѣрилу красоты,—по глубинѣ своей правды и чистотѣ своего чувства.

И такъ, вотъ какія требованія долженъ исполнить тотъ, кто берется за критическое обсужденіе поэтовъ. Задача такого обсужденія мнѣ всегда представлялась столь трудною и огромною, что я никогда не брался за нее въ полномъ ея объемѣ. Изъ требованій, мною выставленныхъ, одно, самое начальное, было, однако-же, мною выполняемо въ сильной степени: любовь къ поэзіи, очарованіе всѣми ея прелестями. Если это восторженное поклоненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, ослѣпило меня, то оно-же давало мнѣ, какъ мнѣ

думается, и ту проницательность, которая безъ него невозможна. Во всякомъ случаѣ, названіе, данное этой книжкѣ, совершенно точное; это не болѣе, какъ *замѣтки*, не имѣющія притязанія на законченность и на исчерпываніе даже какого нибудь отдѣльнаго вопроса.

Издать эту книжку меня побудилъ нѣкоторый успѣхъ статьи *Замѣтки о Пушкинѣ*, помѣщенной въ *Складчину*. А. Д. Галаховъ въ своемъ учебникѣ по исторіи русской словесности и Л. И. Поливановъ въ своемъ учебномъ изданіи сочиненій Пушкина употребили въ дѣло мои замѣтки,—большая честь, показавшая мнѣ въ тоже время, съ какой стороны эти замѣтки могутъ представлять нѣчто новое, какъ говорится, „восполняющее пробѣлъ“. По этому поводу скажу здѣсь нѣсколько словъ.

Читатель увидить, что во всемъ томъ, что въ разные годы было писано мною о Пушкинѣ, я очень мало касаюсь внутренней стороны поэта, его существеннаго содержанія, того образа чувствъ и мыслей, который онъ намъ завѣщалъ. „Пушкинъ“, говоритъ Аполлонъ Григорьевъ, „наше все: Пушкинъ—представитель всего нашего душевнаго, особеннаго, такого, что остается нашимъ душевнымъ, особеннымъ послѣ всѣхъ столкновеній съ чужимъ, съ другими мірами. Пушкинъ—пока единственный полный очеркъ нашей народной личности, самородкъ, принимавшій въ себя, при всевозможныхъ столкновеніяхъ съ другими особенностями и организмами,—все тѣ, что принять слѣдуетъ, отбрасывавшій все, что отбросить слѣдуетъ, полный и цѣльный, но еще не красками, а только контурами набросанный образъ на-

шей народной сущности, образъ, который мы еще долго будемъ отгѣнять красками. Сфера душевныхъ сочувствій Пушкина не исключаетъ ничего до него бывшаго и ничего, что послѣ него было и будетъ правильнаго и органически нашего“.

„Въ великой натурѣ Пушкина, ничего не исключаящей: ни тревожно-романическаго начала, ни юмора здраваго разсудка, ни страстности, ни сѣверной рефлексіи,—въ натурѣ на все отозвавшейся, но отозвавшейся въ мѣру русской души—заключается оправданіе и примиреніе для всѣхъ нашихъ теперешнихъ, повидимому столь враждебно раздвоившихся сочувствій“ (Сочин. Ап. Григорьева, т. I, стр. 238, 239. Статья 1859 года).

Если становиться на такія и подобныя точки зрѣнія, то мы увидимъ, что намъ предстоитъ еще огромный трудъ въ изученіи и пониманіи Пушкина. Въ своихъ *Замѣткахъ*, я нѣсколько останавливаюсь только на одной чертѣ внутренняго міра Пушкина, на чувствѣ *страданія*, упускаемомъ изъ виду, можетъ быть, чаще, чѣмъ многое другое. Выраженіе страданія у нашего великаго поэта казалось мнѣ всегда необыкновенно трогательнымъ; оно такъ сдержанно, просто, но вмѣстѣ такъ глубоко и искренно, что часто дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ самыя напряженныя и пространныя изліянія отчаянія и печали. Вы чувствуете передъ собою человѣка полнаго неистощимой жизни и бодрости, который однако горько жалуется, или горько кается; но онъ вовсе не думаетъ ни любоваться порывами своей тоски, ни потѣшать себя злобою на другихъ и проклятіями.

Затѣмъ, почти все остальное въ моихъ *Замѣткахъ*

относится къ языку, стиху, теченію рѣчи, тону, формѣ произведеній, словомъ къ тому, что можетъ быть названо техникой искусства, его внѣшними приѣмами. У Пушкина совершенство этихъ приѣмовъ изумительное, и, конечно, тотъ, кто не умѣетъ цѣнить его съ этой стороны, никогда не можетъ понять всего его величія и красоты. Въ самомъ дѣлѣ, въ словесномъ художествѣ, точно такъ какъ и во всякомъ другомъ, вся сила заключается только въ *воплощеніи*, то есть въ томъ, что мысль и чувство достигаютъ конкретнаго, индивидуальнаго выраженія. Подъ именемъ поэзіи не слѣдуетъ понимать какихъ нибудь мечтаній, смутныхъ порываній, чувствъ и мыслей, уносящихъ насъ отъ всего дѣйствительнаго; напротивъ, поэзія есть искусство воплощать, дѣлать опредѣленнымъ, превращать въ живое и понятное, высказывать точными словами все самое неуловимое и недостижимое, что бываетъ въ душѣ человѣческой. Только эта чудесная власть поэтовъ надъ всякими мечтами даетъ имъ право быть мечтателями. Воплощенная мысль, въ истинномъ смыслѣ этого слова, всегда неотразима, потому что это непременно будетъ живая мысль, не пустая игра словъ, или пустой миражъ образовъ.

И такъ, тутъ форма неразрывна съ содержаніемъ, и очень неправильно судятъ тѣ, кто не понимаетъ этой неразрывности. Въ настоящее время, въ отношеніи къ формѣ поэтическихъ произведеній, у насъ большой упадокъ вкуса. Обыкновенно хватаются прямо за содержаніе и даже заявляютъ, что форма дѣло второстепенное, не важное. Но это значитъ только—подъ содержаніемъ разумѣть вовсе не истинно поэтическое содержаніе, а

что-нибудь другое; ну, тогда, конечно, можно довольствоваться и не поэтической формой. Отъ этого и выходитъ, что иные стихи имѣютъ тѣмъ большій успѣхъ, тѣмъ въ нихъ меньше поэзіи.

Мнѣ казалось, поэтому, что изученіе формы, на которое направлены мои *Замѣтки*, есть большая потребность въ настоящее время. Послѣ несравненныхъ образцовъ, данныхъ Пушкинымъ и такъ долго дѣйствительно бывшихъ для всѣхъ образцами, мы, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, находимся среди ужасной распушенности, которая губительно дѣйствуетъ на таланты и породила цѣлый потокъ плохихъ стиховъ.

Какъ это случилось, я пытался рассказать въ мнѣніи, представленномъ въ Академію Наукъ при соисканіи Пушкинской преміи въ нынѣшнемъ году; повторю здѣсь свои слова.

Вспоминая послѣднія тридцать лѣтъ, нельзя не подивиться странной судьбѣ стиховъ въ нашей литературѣ. Николаевское время, именно сороковые годы и начало пятидесятихъ, дало намъ нѣсколько поэтовъ, составляющихъ дѣйствительное украшеніе нашей литературы. Изъ нихъ особенно извѣстенъ знаменитый тріумвиратъ Майкова, Полонскаго и Фета, къ нашей радости здравствующихъ и пишущихъ до сихъ поръ. Объ этихъ поэтахъ и о судьбахъ ихъ поэзіи мы говорить не будемъ; мы хотимъ говорить о новыхъ явленіяхъ въ области поэзіи за эти послѣднія тридцать лѣтъ. Съ 1856 года, когда литература вдругъ необыкновенно расширилась и оживилась, появились, конечно, и новые стихотворцы. Но они неожиданно и незаслуженно потерпѣли очень

горькую участь во время этой такъ называемой *зари обновленія*. Тогда въ литературѣ получило силу и съ каждымъ годомъ разрасталось *гражданское* направленіе, то есть стремленіе возбудить общественную дѣятельность въ Россіи. Внутренняя политика поставлена была главною задачею литературы, и передъ этою задачею должны были отступить на задній планъ всё другіе интересы. Явилась *обличительная* литература, и вообще проповѣдывалась теорія, что всякое искусство и писательство, всякая наука и умственная дѣятельность должны имѣть въ виду прямую пользу для общества, а не отвлеченный интересъ самаго искусства и науки. Въ силу этого, всё тогдашнія свѣтила литературы стали подвергаться нападеніямъ; журналистика старалась уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ публики и показать ей, что есть заслуги гораздо важнѣе, чѣмъ писаніе художественныхъ произведеній и что чтеніе такихъ произведеній есть только пустая забава. Стихотворная поэзія была въ особенномъ загонѣ. Стиховъ печаталось много, но это были или какія-нибудь обличенія и воззванія, такъ называемые *гражданскіе мотивы*, или-же шутки, пародіи, сатирическія пѣсенки, которыя появились въ огромномъ количествѣ. Настоящая поэзія, можно сказать, едва влачила свое существованіе. Но всего хуже пришлося поэтамъ, которые только что выступили и явились въ печати съ первенцами своей музыки. Нѣкоторыхъ изъ нихъ вывелъ передъ читателями самъ Н. А. Некрасовъ, человекъ съ большимъ вкусомъ и съ искреннею любовью къ литературѣ. Но и такое покровительство имъ не помогло. Вновь выступившіе поэты встрѣ-